

Алиса

КАВКАЗСКИЙ
БРАК Чёрная

РОЗА

18+

Лица П.

Чёрная Роза. Кавказский брак

<https://litres.ru/74004258>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Ты что задумал, сынок? — Зейнаб схватилась за сердце.

— Я решил жениться, мама. И это не обсуждается, — отрезал

Мансур.

— На этой Розе? Пожалей мать, она же ведьма!

— Вай-вай — прошептала тётя Нармин с тревогой.

— Завтра же отправитесь сватами, — продолжил Мансур. —

В этот раз она примет моё кольцо.

— Снова сватами? После всего позора от их семьи?

— Ты, мама, сама накинешь ей на голову красный платок, — прорычал он. — Она будет моей.

Роза — вовсе не чёрная. Она красивая, нежная, но окружена ядом сплетен и зависти.

Мансур — мужчина чести, который не спрашивает разрешения. Он берёт то, что считает своим, даже если это разожжёт войну в семьях.

От автора: Без шаблонов: просто сильные герои, сложные выборы и чувства, которые берут за живое.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	9
Глава 3.	17
Глава 4.	23
Глава 5.	30
Глава 6.	35
Глава 7.	42
Глава 8.	48
Глава 9.	53
Глава 10.	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Лица П. Чёрная Роза. Кавказский брак

Глава 1.

Закупившись, Роза возвращалась домой по узкой улочке посёлка, в котором жила. Погружённая в свои мысли, она несла сумку с продуктами — свежий хлеб, молоко, чай, яйца. Сзади слышались быстрые шаги. Роза хотела обернуться, но не успела. Что-то тяжёлое врезалось в плечо. Боль вспыхнула — горячая, острая, жгучая, — и она ахнула в немом крике, выронив сумку из руки. Второй удар сбил девушку с ног, и она упала на асфальт, разбив колени в кровь, а мир вокруг закружился в красном тумане.

— Ах ты, гадина! — пронзительный голос Диляры разрезал воздух, полный такой ярости, что эхом отозвался в груди Розы. — Получай! Вот тебе! Вот тебе!

Роза моргнула, пытаясь встать на ноги, слёзы уже жгли глаза от шока. Перед ней стояла Диляра — бывшая подруга, с которой они когда-то делили секреты у колодца, хихикали над глупыми парнями, и эта близость резала ей душу. Теперь в глазах Диляры горела ярость, она наносила удары скалкой,

на которой ещё висела этикетка, — каждый взмах был полон предательства.

— Диляра! Что... ты делаешь? Ты же... — слова застряли в горле, комок обиды душил.

Рядом с Дилярой маячила её новая подруга, Севиль. Они обе тяжело дышали, лица красные от злости и усилий. Диляра замахнулась снова.

— Получи! Это тебе за всё! — скалка свистнула в воздухе.

Удар пришёлся по спине. Роза вскрикнула и согнулась — боль прострелила тело как раскалённый прут, и она инстинктивно закрыла лицо руками, чувствуя, как слёзы текут по щекам, горячие и солёные.

— Ты... ты ведьма! — Диляра била снова и снова, не целясь, но с такой злостью, что будто они всегда были врагами, а не лучшими подругами. — Всех наших мужиков заколдовала! Из-за тебя... все беды из-за тебя! Гадина! — Удар. — Уезжай отсюда! — Удар. — Ты здесь лишняя! — Удар.

Роза плакала от боли и от обиды — она готова была терпеть нападки и оскорбления от всех, но только не от той, кого считала сестрой. Её грудь сжималась, как в тисках, и внутри шептало: «Не плачь, не здесь», но слёзы не слушались, вырываясь наружу. Диляра — её Диля, с которой они с детства бегали босиком по окрестностям, делили первые поцелуи в мечтах. А теперь... «За что? В чём я виновата?», — пронеслось в голове Розы. Сердце разрывалось от этого предательства, которое было острее любой раны.

— Хватит, Диляра! — Севиль с тревогой схватила её за руку. — Плевать на неё! Подумай о себе, ты ведь беременная. Хватит уже с неё.

— Да, ты права, — остановившись и тяжело дыша, ответила Диляра, и в её глазах мелькнула тень страха за ребёнка. — Не хватало из-за тебя дрянь ещё и ребёнка потерять, — положив свою одну ладонь на живот, она поглаживала его нежно, но взгляд на Розу был полон яда. — Дрянь! Ещё и с покрытой головой... как целомудренная! Шлюха!

Она снова будто взорвалась, вымещая копившееся годами в ней зло и с безумными глазами рванулась вперёд, чтобы сорвать платок с головы Розы, — пальцы лишь царапнули воздух над девушкой, и в этом жесте была вся ненависть, смешанная с ревностью. Севиль оттащила её.

— Пошли отсюда, ну! — уговаривала взбесившуюся Диляру Севиль вибрирующим от напряжения голосом.

— Да, пошли, — буркнула беременная, тяжело дыша одёрнула платье на округлившемся животе, и напоследок выместила своё зло, пнув сумку Розы, разметав продукты по асфальту. — Всё из-за неё. Я могла выйти за Саида если бы она его и не соблазнила! И моя жизнь сейчас была бы совершенно другой. Понимаешь? — выпучив глаза, говорила она Севиль, голосом срывающемся на визг.

— Конечно, понимаю, дорогая, — подхватила Севиль подругу под руку, уводя её прочь. По мере удаления их голоса становились всё тише, пока расстояние совсем не поглотило

их, оставив Розу одну на асфальте с раскиданными продуктами. Девушка наконец дала волю слезам, расплакалась — рыдания сотрясали тело, смешиваясь с болью, и мир вокруг казался разбитым, как те яйца в сумке, которую пнула Дилляра.

Одинокий старик, опираясь на свою палку, медленно двигался по противоположной стороне улицы. Заметив Розу, он остановился, прищурил глаза, и на его лице появилось осуждающее выражение — морщины больше углубились. Седые волосы колыхнул летний ветерок, когда он, покачивая головой, презрительно сплюнул в сторону девушки. Ничего не сказав, он медленно продолжил свой путь, оставив её в тишине ещё более одинокой.

Роза медленно перевела взгляд на свои колени — платье задралось, обнажив кожу, расцарапанную до крови, с тонкими красными полосками от грубого асфальта. Они жгли, щипало так, будто соль насыпали.

Роза сглотнула, слёзы ещё блестели на ресницах, она вытерла их тыльной стороной ладони — резко, почти злобно. Встала, спина ныла от ударов скалки. «Будут синяки, тёмные и уродливые. Как же подло с её стороны... как же подло», — с грустью думала она.

Взгляд упал на сумку, жалко лежащую на грязном асфальте. Роза наклонилась и осторожно выудила потёкшие из пакета яйца. Оглядевшись, нашла глазами урну в тени старого дерева. Подошла и швырнула пакет с испорченными яйцами.

Остальные уцелевшие продукты собрала обратно в сумку.

Не обращая внимания на боль в теле, она отряхнула подол платья от пыли и медленным шагом побрела к дому. В полдень стояла невероятная жара, крайне редко кто выходил из дома, разве что детвора бегала. На середине пути Роза остановилась.

— Как же больно, — прошептала она, перевела дыхание и снова побрела по длинной улице, которая ей сегодня казалась нескончаемой.

Глава 2.

Мансур вернулся после утренней пробежки по горным тропам и встал посреди двора рядом с краном. Одним движением он снял с себя мокрую после бега футболку, бросил её на выступ из каменного поддона.

Утреннее солнце пробивалось сквозь листву фруктовых деревьев, окрашивая всё вокруг в мягкие золотистые тона, полные тепла и свежести.

— Вай-вай! Сыночек мой вернулся! Мой спортсмен! Мой красавец! Вай-вай! — Зейнаб, раскинув руки для объятий, вышла из дома и пошла к сыну. — Ты когда приехал-то, что я не слышала? Ночью, что ли? А машину где оставил? — Зейнаб не успела обнять сына, а уже засыпала его вопросами возбуждённым от волнения и радости голосом.

— Здравствуй, мама. Я вернулся ночью, машину не стал загонять, чтобы не разбудить тебя и тётю Нармин, — спокойно ответил Мансур, его дыхание ещё было чуть учащённым от бега.

— И очень зря сделал. Мой дорогой, иди... иди, я тебя обниму, — с трепетом в голосе произнесла она, прильнув к могучему телу сына, словно пытаясь удержать его в своих объятиях навсегда.

— Не надо, мам, я же только после пробежки, весь потный, — с мимолётной улыбкой сказал Мансур. Склонившись

над ней, поцеловал невысокую, полноватую мать, чувствуя, как её щека теплеет под его губами.

— Ой, да что же ты такое говоришь, сынок? Я же тебя год как не видела: то на сборах, то бизнес, то соревнования, — Зейнаб поцеловала в ответ щетинистую щеку сына, её пальцы нежно коснулись его плеча. — Как я рада, что ты вернулся, как рада...

— В этот раз надолго приехал, — сказал Мансур голосом, обещающим долгожданный покой для матери.

— Ой, хорошо, — вытирая уголки глаз, сказала мать, её глаза блестели от слёз счастья, которые она пыталась сдерживать.

— Ма, полей мне сверху, — и Мансур склонился над поддоном, а Зейнаб стала поливать на него из ковша. Бодрящие струи стекали по груди, спине и плечам, снимая усталость, словно смывая всю накопившуюся за дорогу пыль и напряжение. Мансур закрыл глаза, выдохнул: — Ох, хорошо... холодная... горячая... — Он провёл пятернёй по взмокшим густым кудрям, вода капала с них, искрясь на солнце. — Отлично! А теперь пойду приму общий душ и спущусь к завтраку. — Он взял свою футболку, перекинул через плечо и пошёл к дому лёгкой походкой.

— Ох, сынок мой... — глядя на удаляющуюся широкую атлетическую спину, сказала тихо Зейнаб голосом, полным нежности и лёгкой грусти. — Такой красавец, уж тридцать четыре года, жениться бы тебе, сын... Ой... да где ж взять

такую, чтобы и умная, и красавица... да и чтобы мне по праву пришлась... — Она вдруг спохватилась, встряхнула головой и, несмотря на пышные формы, побежала на кухню. — Сестра! Сестра!

— Что? Что случилось? — Нармин испуганно замерла с кофейной ложкой в руках и с расширенными от внезапного крика глазами.

— Да что случилось, наш Мансур приехал! Сынок мой! — радостно воскликнула Зейнаб, её лицо сияло, как у ребёнка, получившего долгожданный подарок.

— Ва-а-ай, сестра, какую радостную новость ты принесла! — воскликнула Нармин и пошла к холодильнику, её движения стали быстрыми и энергичными. — А мне как раз сон приснился, что он мне звонил и говорил: «Тётя любимая моя, я скоро приеду», — тут же на ходу придумала женщина, жестикулируя и привнося больше красок в свой рассказ, чтобы сделать его ещё убедительнее.

— Ну вот, как раз и сон в руку тебе, — Зейнаб, улыбаясь, нарезала домашний сыр на разделочной доске, нож в её руках двигался ловко и ритмично.

— Да. Мне всегда сон в руку идёт, — важно сказала Нармин, выпрямившись и гордо кивнув. — Я сейчас быстро его любимый пирог замешаю, и в духовку — пока Мансур-джан спустится к столу, уж и подоспеет.

Они закружились на кухне — смех, суета, запах теста в воздухе, смешанный с ароматом свежесваренного кофе и

разных специй, наполнил дом теплом семейного очага.

Через полчаса Нармин уже тоже обнимала племянника, её объятия были крепкими и искренними, а после все сели к накрытому столу. Тарелки с кутабами¹, свежим сыром, зеленью и пирогом дымились аппетитно, приглашая к трапезе.

Мансур взял кутаб, перевёл взгляд с матери на тётку, откусил, хрустнув тонким тестом, запил кофе, замечая, как обе женщины не сводят с него взгляда, полного безмерной любви и заботы. Прочистил горло:

— Ну, рассказывайте, что нового в посёлке? Вижу, вас так и подмывает рассказать свежие сплетни, — Мансур продолжил свой завтрак, его тон был лёгким, но с ноткой любопытства.

— Да что ты, какие там сплетни у нас, такие новости... та-ки-и-е... — Зейнаб отвела взгляд, покраснела, махнула рукой, но улыбка её выдавала, делая слова неубедительными. — Новости, сынок, всего лишь новости...

— Ну что ты, дорогой, где мы, и где сплетни, — возмутилась Нармин, но и по её глазам было件нятно, что новости те обросли многослойными сплетнями.

— Угу... — качнул головой племянник, не поверив ни на йоту. — Ну давайте ваши новости, что ли. — Съев кутаб, взял кусок пирога, а мать заботливым и привычным жестом

¹ Кутаб (или гутаб) — это традиционное блюдо азербайджанской и туркменской кухонь, представляющее собой тонкий пирожок в форме полумесяца из пресного теста с разнообразной начинкой.

подлила ещё кофе в его чашку.

— Ну так вот, я вчера видела... — тётка Мансура буквально легла грудью на стол. А размерами женщина была не худышкой, впрочем, как и мать Мансура, её фигура говорила о годах, проведённых за домашним хозяйством. — ... как эту Розу, дочь Хасана, чтобы им всем пусто было, избили!

— А она ползала на коленях и просила пощадить её, — выпучив большие глаза, возбуждённо вступила в разговор мать. Мансур на секунду застыл, проглотил кусок пирога, который так и не дожевал, и закашлялся от услышанного, его лицо омрачилось тенью беспокойства.

— Да-да! Так ползала, что все коленки в кровь стёрла! Аллах свидетель, всё своими глазами видела! — тётка подняла руку ладонью кверху, словно давая клятву перед высшей силой.

— Конечно, своими! Нармин — честная женщина и врать не станет, — подтвердила слова сестры Зейнаб, кивнув с полной убеждённостью, хотя на самом деле ни одна из них не была свидетелем той драмы.

— О какой Розе идёт речь? — нахмурился Мансур, и его брови сошлись у переносицы, а в глазах мелькнула тень воспоминаний.

— О той самой, сынок! Вот Аллах уберёт нас... Как хорошо, что они нам отказали, вах-вах, как хорошо. А то сейчас я бы... оплакивала тебя, — мать Мансура стала плакать, полезла за платком в карман и вытерла скатившиеся слёзы со

щёк, полные материнского страха.

— Спасибо Аллаху! — Нармин вознесла руки к небу в молитвенном жесте, её богатое воображение уже рисовало страшные сцены, и пальцы затряслись от волнения.

— А ну хватит кудахтать! — свободной рукой Мансур шарахнул по столу так, что блюдца вместе с чашками подпрыгнули, характерно звякнув, и звук на секунду повис в воздухе. — Объясните толком, что произошло? — Вернув в тарелку недоеденный кусок пирога, вытер пальцы салфеткой. Аппетит у него напрочь пропал, оставив лишь горечь в горле.

— Не сердись, сынок, ты же главного не знаешь. За этот год, что ты отсутствовал, столько всего случилось. Роза эта и второго мужа похоронила. Народ в посёлке озлоблен на неё, шепчутся за спиной, бросают на неё косые взгляды.

— Да, дорогой племянник, уж лучше бы ей уехать куда подальше. Не место ей среди нас.

— Как похоронила? — удивлённо спросил Мансур, его голос стал жёстче, требуя деталей. — А что случилось?

— На той неделе год уж как после смерти бедняги, мы с Нармин на поминальный обед ходили, мать покоя не знает, всё эту ведьму винит, — нервными движениями поправила на голове платок Зейнаб.

— Так и есть, дорогая сестра, не зря её народ теперь Чёрной Розой кличет. Никто и нигде ей не рад, — потянулась к кофе Нармин, её глоток был долгим, словно для того, чтобы собраться с мыслями.

— Да и кто такую теперь замуж-то возьмёт... — хохотнула Зейнаб, но в её смехе сквозила горечь. — Какой дурак на такое осмелится?

— Уж точно в нашем посёлке таких нет, — усмехнулась её сестра, качая головой. — А то, смотри, отбоя от женихов не было, первая красавица в посёлке нашем была! Глаза — как чёрные озёра, волосы — шёлк, а теперь... в одиночестве состарится.

Мансур в это время сидел хмурый, сложа руки на мощной груди, и слушал всё, что говорили мать и тётка. Его мысли уносились в прошлое, где та Роза была не ведьмой, а просто девушкой с загадочной улыбкой.

— Получается, через месяц после свадьбы Роза похоронила мужа?

— Да, сынок, чуть больше месяца — и всё, разбился, бедняга, в ДТП, а какой красавец был... Высокий, сильный, с такой улыбкой, что все девчонки оборачивались.

— Все люди обозлённые на неё, хотят выгнать её из посёлка, чтобы и духу её здесь не было.

— И правильно! Не место здесь этой ведьме!

— Из всего вами невнятно сказанного понял, что лучше узнать всё самому. — Мансур встал из-за стола, его стул отъехал с тихим скрипом, и он решительно пошёл из кухни. Женщины переглянулись, их взгляды встретились в лёгкой панике, и мать настороженно спросила:

— Сынок, а зачем тебе узнавать о Розе?

Мансур на секунду замер в дверном проёме, его широкие плечи напряглись, а после он молча вышел.

— Да что в этой ведьме такого, что тянет тебя как магнит сквозь все эти годы?..

Глава 3.

Неделю спустя Мансур ехал домой после деловой встречи в городе, связанной с его бизнесом, который он пытался совмещать со спортом. За эту неделю он много слышал о девушке, на которой когда-то хотел жениться, и, в основном, только грязные слухи.

Вернувшись и припарковавшись во дворе, Мансур вошёл в дом и увидел тётю, увлечённую уборкой. Он коротко кивнул:

— Добрый вечер. А где мама?

Нармина подпрыгнула от неожиданности, положив руки на объёмную грудь, и сказала:

— Ой, Мансур... мальчик мой, уже вернулся? Ты меня напугал. А мама... так она на кухне.

— Сынок! Уже вернулся? — воскликнула Зейнаб при появлении на кухне Мансура. — Как хорошо! А я тут как раз к твоему приходу напекла пирожков, как ты любишь, мой родной, пышные и воздушные. Перед ужином съешь пару горячих пирожочков! — суетливо бегая по кухне, сказала мать. — Через минуту уже достану из печи. А тесто в этот раз получилось прямо пух! Вот что значит — готовить с любовью! — Зейнаб радостно щебетала и никак не могла нарадоваться возвращению сына после долгосрочного отсутствия.

— Мама, пирожки подождут, у меня есть к вам с тётей

неотложный разговор. Заканчивай с выпечкой, и я жду вас в зале.

Мансур сел в кресло и ждал, пока появятся его родственницы. И они не заставили себя долго ждать: спустя пять минут обе женщины взволнованно вошли в зал. У Нармины в руках был небольшой поднос с чашечкой свежесваренного кофе, который она поставила перед племянником, после чего они сели на диван и, томительно ожидая, мысленно спрашивали себя: «Зачем Мансур нас собрал?».

— Итак... не буду ходить вокруг да около. Я решил жениться, — объявил он, пристукнув ладонью по подлокотнику.

Зейнаб ахнула, машинально прижала руки к груди:

— Жениться? О, Аллах, какое счастье! Сыночек, это же замечательная новость! А я уж накрутила себе... — начала она и вдруг спохватилась: — Надеюсь, девушка, на которую пал твой выбор, достойна тебя, сынок?

— Вай ханум! — обрадовавшись, вскочила с места Нармин. — Ну она точно должна быть достойной нашего Мансура! Чемпион! Бизнесмен! К тому же красавец какой!

— Да, сестра, это всё мой мальчик, мой сын! — горделиво похлопала себя ладонью по груди Зейнаб. — Не то что у этой Гульнары, — намекнула она на соседку, которая живёт через дорогу от них. Зейнаб скривилась, показывая всем видом свою неприязнь. — Сын у неё вечно чумазый, работает на грузовике, который к тому же ещё и скрипит на всю

округу, сам в грязи по уши. А мой вон какой красавец, одет с иголки. — Щёки Зейнаб покраснелась от гордости.

Мансур ничего не отвечал, но и не стал перебивать мать.

— В нашу семью должна войти исключительная девушка. Поди городская, а, сынок? В нашем посёлке нет достойной моего сына.

— Это точно! — подтвердила слова сестры Нармин. — Мансур-джан, расскажи, кто она и откуда? — на него только и сыпались вопросы. — Кто её родители? Богатые? Уважаемые?

Мансур продолжал молчать, — он ждал, пока мама с тётёй наконец выговорятся. Уж слишком они эмоционально восприняли его желание жениться.

— Однозначно должны быть богатыми, это даже не обсуждается, — решительно подняв руку, вставила своё твёрдое слово Зейнаб. — Она к тому же должна быть образована, иначе чему она будет учить моих будущих внуков!

— Да-да, — подтвердила сестра, кивая головой, и села обратно на диван. — Слушай, это ж надо ещё узнать, мать её порядочная ли, а-то знаешь, какие родственнички бывают, как начнут сплетничать. — шепнула Нармина.

— Я терпеть не могу сплетниц... терпеть не могу, — эмоционально проговорила Зейнаб, сопровождая речь жестикующей рукой, при этом её густые брови выгнулись дугой.

Мансур, продолжая молчать, сделал глоток кофе и смаковал его терпковатый вкус. Он слушал с полуприкрытыми

глазами, как тигр перед прыжком.

Когда их голоса слились в гул, он медленно перевёл взгляд с матери на тётю и обратно и спокойно... слишком спокойно для его взрывного характера произнёс:

— Невеста из нашего посёлка. Это Роза. Я женюсь на ней.

Тишина лопнула, как перетянутая струна.

Зейнаб взвизгнула, вновь хватаясь за сердце:

— На ком?! На Розе?! На этой чёрной вдове?! Скажи, что это не серьёзно... сыно-ок! — Мансур вскинул на неё тяжёлый взгляд, который говорил сам за себя. — Сын, она ведь двух мужей в землю загнала... двух! — чуть ли не на разрыв аорты выкрикнула мать.

— Во-первых, успокойся, мама, а во-вторых, у Розы был только один муж, — он отвёл взгляд, допил кофе и, опустив чашку в блюдце, вернул взгляд к матери.

— Да какая разница, сын! — Выпучив глаза, Зейнаб вся затряслась. — Один, два! Первый ей тоже был практически мужем. У них свадьба должна была состояться на следующий день, а его зарезали в драке! Потому что она, змея, наколдовала!

После этого Нармина завывала и, вытирая платком слёзы, собравшиеся в уголках глаз, взмолилась:

— Вай-вай! Откажись! Зачем тебе эта ядовитая красота? Погубит ведь тебя и всех нас!

— Точно, сестра, она его в могилу сведёт! — Зейнаб тоже заплакала.

Мансур встал, расправил рубашку под ремнём и жёстко сказал:

— Значит, так. Вопрос решён. Завтра вы обе идёте сватами в дом к Розе.

Зейнаб ужаснулась:

— Снова сватами? Не понимаю тебя, Мансур, ты что же, хочешь нашего позора на весь посёлок? Мало нам было того, что несколько лет назад нас отвергли в их семье, и вот спустя года вновь отправляешь сватать её?

— В этот раз, — Мансур наклонился к матери и посмотрел ей в глаза, — она примет моё кольцо. И ты, мама, лично наденешь ей на голову красный платок.

Он вышел, а через минуту, когда вернулся с крафтовым пакетом в руке, застал мать и тётку шепчущимися на диване.

— Что это? — Зейнаб вскинула глаза на брендовый пакет в руке сына. Он недовольно окинул взглядом обеих и предупредительно, с угрозой в голосе, сказал:

— Если сорвёте сватовство, я вас не прощу. Надеюсь, вы осознаёте, что я не шучу.

Тётка резко бросила взгляд на Зейнаб, и та, поджав губы, ответила:

— Ещё не женился, а уже сомневаешься в матери. Что же дальше будет, жена тебя вообще отвернёт от меня. — Она попыталась хитростью призвать его к совести, но Мансур лишь недовольно и шумно вздохнул. — А что в пакете? — любопытство всё же взяло верх, и она переключилась.

— Здесь кольцо и атласный платок невесты...

Глава 4.

Зейнаб и Нармин замерли в зале, словно две тени от угасающего дня, свет которого пробивался сквозь кружевные занавески ярко-оранжевыми красками. Мансур вышел из зала, оставив их одних. Зейнаб медленно опустилась на край дивана, вытерев платком лицо от слёз. А Нармин, напротив, металась по комнате как загнанная птица: то хваталась за спинку стула, то прижимала ладонь к груди, где сердце билось так, словно пыталось вырваться наружу.

— Аллах милостивый... — прошептала Зейнаб, её голос сорвался, глаза, покрасневшие от слёз, уставились в пол, который сейчас казался ей бездонной пропастью. Она поджала губы, пытаясь унять дрожь в подбородке, но слёзы всё равно катились по щекам, оставляя солёные дорожки на морщинистой коже. В груди Зейнаб нарастала такая боль, будто кто-то вонзил нож в самое сердце — острая, нестерпимая, смешанная с горечью предательства. Как же это возможно? Её мальчик, её Мансур, опора всей жизни вдруг решил связать судьбу с этой... с этой змеей? — Как... как он мог? Ты слышала, сестра? Завтра идём сватами! А точнее — позориться на всю округу!

Нармин резко остановилась, её полные щёки вспыхнули от ярости, а маленькие глазки сузились в щёлки, полные яда. Она повернула взгляд в сторону двери, словно Мансур всё

ещё мог вернуться и услышать, и сказала вполголоса:

— Вай-вай, Зейнаб-джан, какой позор! Как она может стать нашей невесткой? Весь посёлок будет над нами смеяться, тыкать пальцем: «Смотрите, мол, эти дуры сына-племянника своего в пасть к волчице суют!». Я представляю их взгляды — ехидные и насмешливые. А шепотки за спиной? О, Аллах, как же это жжёт внутри, словно огонь! — нагнетала Нармин.

— Да... А я недавно ещё с соседками болтала, сама смеялась над Розой, говорила: «Какой дурак эту ведьму замуж возьмёт? Двух мужей в могилу загнала, больше дураков нет». А оказывается... ой, Аллах... дурак-то наш Мансур! — горестно произнесла Зейнаб, и её голос дрогнул. Сердце Зейнаб сжалось в комок, и она почувствовала, как слёзы снова душат её, мешая дышать.

«Это не просто свадьба — это конец их тихой, уважаемой жизни», — считала она.

Зейнаб вдруг спохватилась, шмыгнула носом, пытаясь взять себя в руки. Но эмоции бурлили, не давали покоя. Она взглянула на сестру.

— Нармин! Чего же мы сидим, а ну давай посмотрим, что там за кольцо он этой змее купил! — Выражение лиц обеих тут же сменились любопытством. Сёстры, склонившись над пакетом, достали ювелирную коробочку. — О-ох, смотри, какая... И цвет бирюзовый... сразу видно, дорого, богато, — протянула она, но казалось, что прошипела сквозь зу-

бы — такая злоба была в её голосе.

— Ага-а, видать, немало денег выложил Мансур. Ох он у нас и транжира... — с некой мечтательностью произнесла Нармин, но в её тоне сквозила зависть, острая как игла. Она представила, как эти деньги могли бы пойти на их нужды — на новый ковёр для гостиной, им на продукты... А вместо этого — подарок той, кто их всех погубит. Сердце Нармин кольнуло ревностью, и она закусила губу, чтобы не сорваться.

— Да, мой мальчик такой, — тяжело вздохнула Зейнаб, и в этот миг её любовь к сыну смешалась с разочарованием. Она вспомнила, как качала его на руках, как молилась за его счастье, и теперь всё это рушилось. — Лучше бы он матери на палец кольцо надел, чтобы все в посёлке видели, как он любит, ценит и почитает свою мать! О, как бы я сияла тогда, с гордостью выпрямив спину, отвечая на завистливые взгляды!

— Да тихо ты, — шикнула Нармин, оглядываясь на дверь, будто стены имели уши. Её собственные страхи шевелились в груди: что, если Мансур услышит? Что, если их слова долетят до него и разожгут ещё большую пропасть? — Дети нынче о своих благах думают. Эгоисты, все как один.

— Это да-а, ты права, сестра, — продолжала вздыхать Зейнаб. Она опустила голову, и глаза снова увлажнились. В эти мгновения женщина чувствовала себя беспомощной. Не такую невестку она себе прочила.

— Ну, открывай уже коробку, — глаза Нармин были прикованы к футляру, который её сестра пыталась аккуратно вскрыть. Любопытство боролось в ней с гневом, и она еле сдерживалась, чтобы не вырвать коробку и самой открыть.

— Щас-щас, не торопи... самой интересно, что за кольцо там, — в глазах будущей свекрови мелькнула искра злобы. А Нармин потянулась к лицу и характерно-привычным для неё движением поочерёдно провела по уголкам губ, вытирая воображаемую слюну — нервный тик. Наконец Зейнаб открыла крышку от ювелирного изделия, и обе женщины ахнули при виде кольца. Блеск камня ослепил их, но не радостью — а обидой, завистью.

— Оно бриллиантовое? — чуть не поперхнулась вопросом Нармин, её голос задрожал от смеси восхищения и злости. Она потянулась ближе, чувствуя, как сердце колотится в горле.

— Конечно, — Зейнаб подняла его вверх, ближе к свету люстры, и грани блеснули. — Видишь, какие грани? Это точно бриллиант. Такой огромный, сверкающий... Для неё... Для этой... — она не договорила, ревность взяла верх над ней.

— Какой большой... и зачем такое покупать? Она ведь ему даже не жена! — возмутилась Нармин.

— Тьфу на неё! Пусть этой свадьбы и не будет, — со злостью произнесла мать Мансура и резкими движениями убрала кольцо обратно, с силой захлопнув коробочку.

— Ой, смотри, какой платок! — прошипела Нармин, достав из пакета тонкую ткань, расшитую золотыми нитями. Шёлк скользнул по пальцам, и на миг она забыла о гневе. — Ох и красивый, я бы такой с удовольствием надела, — мечтательным шёпотом произнесла она, прижимая платок к щеке. В воображении женщина уже представила себя молодой невестой, в центре внимания, с этой красотой на голове.

— Да положи на место, тоже мне, невеста! — мать Мансура выхватила платок и вместе с кольцом вернула обратно в пакет.

— Да не злись, я тебя понимаю, сестра, — Нармин обняла сестру за плечи.

— Ещё бы тебе не понять, это ж нам теперь с этим несчастьем жить! — Зейнаб села и откинулась на спинку дивана, и её тело обмякло, как будто силы ушли вместе со словами. Она закрыла глаза, и перед внутренним взором промелькнули картины будущего: свадьба с этой змеёй, насмешки соседей, одиночество в собственном доме, потому что змея отберёт любовь сына. Сердце сжалось от ужаса, и она тихо всхлипнула:

— Слушай, а если не захотят принимать кольцо Мансура? Ну как в тот раз, помнишь? — Нармин понизила голос.

— Да что не помнить, помню, конечно. — Тот отказ был как пощёчина — унижительный. Но спустя время Зейнаб благодарила Аллаха за то, что свадьбы не случилось.

— И... что ты думаешь об этом? — спросила Нармин,

подойдя к дивану.

— Нет, так удачно не может сложиться. Они сейчас свою обузу — дочь — за любого выдадут: хоть за косого, хоть за хромого, лишь бы в девках не сидела. Мансур, считай, её последняя соломинка. Не-ет... эта семейка не упустит такого шанса, — обречённо сказала Зейнаб, и её голос погас. Она представила лица той семьи — жадные, расчётливые, — и мурашки пробежали по коже.

— И как же, сестра, мы с ними будем за одним столом сидеть? — Нармин опустилась на диван рядом с сестрой и обняла её. Каждая из них погрузилась в свои мысли. Тишина повисла тяжёлым покрывалом, прерываемая лишь редкими всхлипами. Спустя минуту Нармин, не выдержав, прервала молчание: — А если нам попробовать сорвать это мероприятие, на которое нас завтра толкает Мансур?

Зейнаб замерла, её глаза расширились от испуга, а рука невольно потянулась к лицу и накрыла рот ладонью, будто эта фраза вырвалась из неё самой. Сердце забило в панике — идея пугала и манила одновременно. Она отрицательно покачала головой, брови сошлись в глубокую складку на лбу.

— Нет, нет, что ты! — наотрез отказалась от идеи сестры Зейнаб. В голосе послышалась нотка страха. — Не станем так рисковать, ты знаешь нрав Мансура: если предупредил, что не простит, то так и будет. Весь в покойного отца характером, такой же упрямый. Он единственный мой кормилец... Не будет его — считай, в нищете и впроголодь жить

будем. Боюсь я, сестра, ой как боюсь.

— Выходит, ничего не поделаешь, придётся принять как есть, — Нармин вздохнула, и в её вздохе послышалось смирение. Она отпустила сестру и устало откинулась на спинку дивана.

— И жить в позоре? — вскинулась поникшая секунду назад Зейнаб. Её глаза загорелись, щёки порозовели от внезапного прилива сил. — Ну уж нет!

Глава 5.

В зале, залитом мягким утренним светом, Роза занималась привычными домашними делами. На ней был лёгкий хлопковый халат, доходивший до середины икр. Густые волосы были заплетены в тугую косу. Она вытирала пыль с подоконника. Внезапно из коридора донёсся недовольный голос матери — она на кого-то яростно ругалась.

Мать Розы, Хадиса, была строгой женщиной с частым недовольством на лице. Роза отложила уборку и хотела выйти к ней, но та буквально влетела в зал и начала с упрёков:

— Как я устала от этого позора! А всё ты! Всё ты! «Я хочу замуж, я хочу замуж за Саида!» Надо было выходить за сына Наргиз, и хлопот бы не знали ни ты, ни мы с отцом. А теперь что? Вон, он теперь не хочет, — она резко махнула рукой, — да и никто не хочет!

Роза замерла с тряпкой в руке, сердце сжалось в комок. Брошенные матерью в который раз фразы она уже заучила наизусть, и каждый раз они отзывались болью в душе.

— Что случилось, мама? — тихо спросила она.

Хадиса нахмурила брови в претензии и поджала рот, отчего её нос сморщился.

— А что ещё, по-твоему, могло случиться? Всё то же самое! Иди, отмывай ворота от своего клейма! Опять твои «поклонники» постарались, словно мы прокажённые! Вай, Ал-

лах-Аллах-х! — протянула она согласный звук, словно хотела откашляться, и подняла руки ладонями вверх, призывая небеса себе в помощь.

Роза опустила взгляд, ресницы затрепетали, скрывая вспыхнувшую обиду. Она кивнула, шепнув:

— Сейчас, мама... Всё отмою.

Обида душила. Вздохнув, она вышла во двор, набрала проточной воды в ведро, схватила тряпку и направилась к воротам. Надпись кричала чёрными буквами: «Здесь живёт ведьма». Роза не стала читать — она знала, что там написано. Покорно опустившись на колени, начала яростно тереть эту гадкую, колючую надпись. Слезы невольно собрались в глазах и жгли веки. Обида накатывала волнами: «Сколько можно...» — шептала её душа, чувствуя, как сердце рвётся от несправедливости, а в груди пустота, как после удара.

Тут стайка детей — вихрастые сорванцы с чумазыми лицами — выскочила из-за угла. Мальчишка постарше с ехидной ухмылкой ткнул пальцем:

— Смотрите! Смотрите! Ведьма-ведьма! — Издевательские насмешки звучали всё громче и громче. Роза не оборачивалась: она знала, что только раззадорит эту ораву. — Эй, эй! А мы снова напишем! — И сорванцы пустились наутёк, крича: «Ведьма! Ведьма! Тикай, кто может, а то она нас всех проклянёт и порчу наведёт!» Роза поджала губы и быстрее задвигала тряпкой, слёзы девушки всё же пролились.

Утро в доме Мансура тянулось медленно.

Завтрак прошёл практически в тишине. Мансур лишь спросил:

— В котором часу вы отправляетесь в дом к Хамаевым?

Зейнаб бросила мимолётный взгляд на сестру и вернула его к сыну.

— Мы подумали, может, вечером? После заката, — она не хотела, чтобы соседи видели: Зейнаб не была готова к вопросам.

— Мама, — Мансур посмотрел на неё красноречиво, — отправляйтесь после обеда, и чтобы всё прошло так, чтобы не пострадала честь нашей семьи.

— Она и так пострадает! — вырвалось у Зейнаб.

— Мама, — рыкнул Мансур.

— Хорошо, — поджала она губы, и на несколько секунд возникла звенящая тишина. — Сынок, может, довезёшь нас до дома Хамаевых?

— А чего тебе стесняться? Ты идёшь с благими намерениями, — съев завтрак, он отставил тарелку и взялся за кружку с чаем.

— Так-то оно так, Мансур-джан, но ведь мы идём в дом к эт... к Розе, — встала на защиту сестры Нармин.

— Тем более пусть знают, или вы стыдитесь моего выбора? — жёстко спросил Мансур, глядя на них своими тёмными глазами.

— Нет-нет, — сразу пошла на попятную тётка.

— Ты знаешь моё мнение, сын, но если таков твой выбор, то не стану идти против твоего слова, — с прямой спиной и недовольно опустив глаза, ответила мать.

— Вот и замечательно, тем более что идти против меня не стоит — можно лишь себе навредить. А я люблю своих родных: тебя, мама, — он перевёл взгляд с матери на Нармин, — и тебя, тётя. Не подрывайте моего к вам доверия. — После этого он встал и вышел из кухни.

Днём обе женщины надели лучшие наряды: на голову — шёлковые платки, в уши — золотые серьги, а на пальцы — перстни с камнями, чтобы показать своё материальное положение. Напомаженные, взяв каждая свою ручную сумку, отправились сватать ненавистную ими Розу.

Только они вышли из ворот, как первая, кто им встрети-лась, была соседка Гульнара.

— Ханум! — удивлённо обратилась к ним соседка. — Это куда вы такие нарядные отправляетесь?

— Тьфу! — чертыхнулась Зейнаб и пошла по дорожке. — Только её нам и не хватало, — шепнула она сестре, а Гульнаре ответила: — Да вот, в гости идём!

— В гости? Надо же... Это к кому же в такое-то пекло? — глядя на сестёр, соседка козырьком приложила ладонь ко лбу, разглядывая их платья.

— Вот пристала, — продолжая путь, буркнула Нармин, оставив соседку без ответа...

Остановившись вблизи дома Хамаевых, обе сестры недо-

вольно переглянулись и, обречённо вздохнув, приблизились к воротам. Зейнаб трижды постучала круглой металлической ручкой по воротам.

— Вот же звонок, — шепнула Нармин, указывая пальцем выше.

— Да чёрт с ним! — зло проговорила её сестра и стала ждать, пока им наконец откроют, и она не будут здесь отсвечивать.

Глава 6.

Хадиса с осторожностью выглянула из-за ворот. «Кто знает, кого там черти принесли», — подумала она и, скрипнув калиткой, приоткрыла её, выглядывая и щурясь от солнца.

Перед стояли Зейнаб и Нармин, нарядные, напوماженные, в руках у обеих сумки. У Хадисы вытянулось от удивления лицо. Кого-кого, а их она точно не ожидала увидеть. После того как их семья отказала им, эти двое при любой встрече лица воротили. А как-то раз Зейнаб встретила Хадису на базаре и высмеяла во всеуслышание, заявив: «О, дорогая Хадиса! Премного благодарна за ваш отказ. Мой чемпион, мой Мансур возьмёт себе в жёны гораздо достойней и красивей девушку, а вот ваша дочь так и останется в девках!»

— Хадиса-ханум... — Зейнаб заговорила первая, глядя на неё с лёгкой неприязнью. — Мир дому твоему, — произнесла она дежурную фразу.

— Мир, — коротко бросила Хадиса, но калитку открывать настежь не торопилась. — Чего надо? — грубо спросила она, окидывая их внешний вид.

Повисла пауза. Зейнаб и Нармин переглянулись. С улицы пахло пылью от лёгкого летнего ветерка. Кто-то из соседей в нетерпении открыл с хлопком форточку и, по всей видимости, подслушивает.

— Мы... пришли по делу. От имени Мансура, — вмеша-

лась Нармин. — По очень важному делу, — чуть вскинула свои густые брови и выпучила глаза. — Может, уже впустишь нас внутрь, или так и будешь держать у ворот под палящим солнцем?

Хадиса опустила взгляд на их туфли, затем подняла его обратно к вычурным украшениям. Задумчиво вздохнула и сказала нехотя:

— Ну заходите.

Они зашли в чистый двор. Всё на своих местах, было заметно, что в доме есть хозяйка.

Хадиса показала рукой на стол под навесом.

— Проходите, садитесь и рассказывайте, зачем вас нелёгкая принесла? — она, по известной причине, даже не думала скрывать своей неприязни.

Зейнаб села, её спина была настолько негибаема, словно она лом проглотила. Нармин села рядом, положила сумку на колени. Хадиса же стояла, сложив руки под грудью, и всё рассматривала их внешний вид.

— Это вы для меня так нарядились? Словно городские? — съязвила хозяйка дома.

— Ну... можно и так сказать, — вскинула брови Зейнаб, закатив глаза. — Мой сын... желает... — с неё словно клещами тянули каждое слово, — видеть твою дочь... женой. — А на «жене» так вообще её чуть не передёрнуло.

Возникла напряжённая пауза. Хадиса как стояла, так и застыла, она пребывала в шоке от услышанного. Что-что, а та-

кого она не ожидала. Женщина практически смирилась, что сваты в их дом уже никогда не постучатся, а тут неожиданно. Конечно же, Хадиса не могла не упустить шанса, раз уж пришли сваты, чуть придать себе значимости.

— То есть вы сватать мою красавицу дочь пришли? — изогнула бровь хозяйка дома.

— Выходит, что так! — поджала губы Зейнаб, дёрнув в её сторону головой, брякнув тяжёлыми серьгами, в то время как Нармин пока отмалчивалась. — А что, ты таки не рада?

— Ну почему же не рада, — чуть ли не нараспев сказала Хадиса. Она вальяжно прошла и подсела к столу, сощурила на Зейнаб глаза. — Рада! Хм... А что же сваты не принесли подносы сладостей, а? Где же они? — развела руками Хадиса.

— Знаешь что, Хадиса! Я здесь ради сына, а иначе ноги бы моей в твоём доме не было! Поэтому давай сделаем вид, что мы все рады и довольны друг другом! И уж если совсем говорить начистоту, то уж не в твоём положении выделываться, тем более что козырять-то вашей семье нечем! Как раньше в твои двери сваты очередью не ходят. Товар-то изрядно подпорчен. Давай, зови свою дочь, надень ей кольцо, платок, и делу конец! Надеюсь, в этот раз твоя «красавица» носом не будет воротить? — вопрос прозвучал с издёвкой. Не в их положении было отказывать.

— Нет... не станет... она примет кольцо, — сквозь зубы произнесла Хадиса.

— Разумеется, это твой последний шанс, — вставила так же язвительно Нармин, как и её сестра.

— Ждите! — сказала Хадиса и неторопливой походкой ушла в дом. Как только она оказалась вне поля зрения се-стёр-гарпий, первое, что она сделала — остановилась и задышала, как после круговой кардиотренировки, и, взявшись за халат на груди, стала его трясти характерными движениями, создавая воздухообмен, как от духоты. Женщина взмокла под одеждой.

— Аллах-Аллах, — она подняла руки в молитвенном жесте, — ты услышал меня... спасибо!

Женщина спохватилась и побежала сначала в комнату мужа. Сегодня выходной день, и он отдыхал.

— Али! Али! Вставай, к нам сваты пришли! — влетев в комнаты, заголосила Хадиса.

— Что? — подскочил на диване взъерошенный муж. — Я не ослышался, ты сказала сваты?

— Нет, не ослышался, давай, приводи себя в порядок и выходи, а я пойду Розу подготовлю.

— А кто сваты-то? — спросил Али вдогонку уже выбежавшей жене.

— Да какая разница, — отмахнулась она... — Роза! — влетела в комнату дочери, чем напугала девушку. Она в это время вышивала на подушке и от неожиданно влетевшей с безумными глазами матери укололась.

— Что случилось, мам? — поморщилась она от боли.

— Что случилось?! Да судьба твоя случилась! Вставай и быстро переодевайся в платье! — Мать бросилась к гардеробу и как умалишенная давай перебирать платья дочери.

— Мама... ты меня пугаешь. Что происходит? — сглотнула Роза.

— Сваты, дочь! Тебя сватают!

Роза побледнела, встала с места.

— Я не хочу... — сказала она, немигающе глядя на мать.

— Что? — застыла та с платьем в руках. — Что ты сказала... а ну-ка повтори...

— Я больше не хочу замуж... не хочу, — твёрдо заявила Роза.

— Ты с ума сошла? Такого шанса больше не будет! — Хадиса подошла к дочери.

— И не надо.

— Не надо? — спросила, больно ухватив Розу за руку.

— Да, не надо, — твёрдо заявила дочка. — Не хочу я!

— А чего хочешь? — дёрнула за руку дочь Хадиса. — На нашей с отцом шее сидеть, да? Этого хочешь? Или чтобы на твоих родителей пальцем указывали, когда мы на рынок ходим, и говорили: «Смотри это родители ведьмы»? А может, хочешь до конца дней смывать клеймо с наших ворот? Этого хочешь? — чем дальше, тем больше мать распалась.

— Хватит... хватит, мама!

Хадиса давила на неё. Розе было сложно, она уже и сама начала верить в то, что она проклята, и все беды реально из-

за неё.

— Нет! Это ты послушай и знай, что нас с отцом постоянно обзывают! Думаешь, мы хотим? Пойдёшь и примешь кольцо как миленькая. Поняла меня?

— Да... — Роза покорно опустила глаза.

— И чтобы без фокусов. Уяснила? — строгий взгляд матери ничего хорошего не сулил.

— Да, мама, поняла.

— Ну что ты, дочка, — отец вошёл и обнял её. — Мы с мамой тебя любим. Не сердись на неё, мама сильно нервничает и переживает за тебя. С мужем лучше, чем без него. Стерпится — слюбится. Вон твоя мать меня тоже не любила, а теперь, смотри, мы с ней семья и любим друг друга.

— Конечно, дочка, — Хадиса прослезилась. — Я очень боюсь, что ты никогда не выйдешь замуж.

— Я поняла, — грустно сказала Роза и обняла мать, Хадиса её притянула ближе. — Ма...

— Что, дочка? — спросила она, не разнимая объятий.

— А жених кто?

— Жених достойный... Мамедов это.

— Который Мамедов? Тот, что Мансур? — оторвала голову она от матери, заглядывая ей в глаза.

— Тот самый, дочка, — мать разорвала объятия и вытерла в уголках глаз набежавшие слёзы.

— Мам... он же... Аллах, — обречённо произнесла она, — он не простит меня...

— Не говори ерунды... всё будет хорошо. Надевай платье и выноси кофе или чай сватам на подносе.

Через пятнадцать минут, когда все сидели за столом, Роза в длинном платье с закрытыми рукавами вышла к сватам, неся поднос с кофе.

Зейнаб и Нармин, разумеется, к угощению не притронулись, а на скорую руку достали платок и кольцо. Это сватовство изначально было не по правилам, но оно и не удивительно, если считать, что Мамедовы в этом качестве и в этом доме не впервой.

Зейнаб всучила ей кольцо в ювелирной коробочке и, завязывая платок на голове Розы, шепнула:

— Я тебя, змея подколотная, насквозь вижу: если вздумаешь с моим сыном что сделать, задущу собственными руками. Поняла? — Роза посмотрела на неё открытым взглядом, так ничего и не ответив.

Глава 7.

Дорога обратно тянулась пыльной лентой. Жара отпустила, но асфальт ещё дышал теплом. Сёстры шли в ногу, сжав сумки на сгибе локтя. Сначала молчали, прислушиваясь к собственным мыслям и далёким голосам бегающей по улице детворы. И за первым поворотом Зейнаб первой нарушила тишину.

— Так, — она повертела головой, убедилась, что их никто не слышит, и начала собранным голосом: — Сестра, думаю, ты видишь, у нас, к сожалению, выбора нет, — жёстко прозвучало из уст Зейнаб.

Нармин почти сразу кивнула, поправляя платок.

— Это да, сестра. Мансур нам его не оставил. Он не из тех, кем можно командовать, — с одышкой от ходьбы произнесла она.

— Вот-вот! Значит, без глупостей, — Зейнаб сжала лямку сумки так, что её пальцы побелели. — Врать Мансуру рискованно было, поэтому предпринимать пока ничего не будем, — тяжело дыша, делилась с сестрой мыслями Зейнаб.

— Да! — согласилась Нармин.

— Достаточно того, что мы показали этой Хадисе свою неприязнь. Дальше надо быть тише воды. Вопрос по никаху* решённый, а вот после возьмём эту дрянь в оборот. Она у меня и пискнуть не сможет.

С этими словами они чуть замедлили шаг, чтобы перевести дух.

— Поняла, — шепнула Нармин и вытерла ладонью испарину со лба.

— Вот и хорошо, сестра... вот и хорошо... Фух, какая жара, — сетовала Зейнаб.

— Ага, и не говори... хоть бы дождь, что ли, пошёл уже, — тяжело дыша, на выдохе сказала Нармин.

— Жди, как же, пойдёт он... Не могу забыть, как эта Розка своими чернящими глазами на меня смотрела. С вызовом, понимаешь ты... — вылупила она глаза на сестру.

— Видела-видела, сестра! — закивала Нармин.

— И с кем? Со мной? С будущей своей свекрухой? — не унималась Зейнаб. — Ах ты ж дрянь такая... ну я тебе ещё покажу! Воспитаю! — Зейнаб сжала кулак и потрясла им в подтверждение своих слов, словно клятву давала себе.

— Да! Раз её мамаша не смогла, так мы это сделаем.

— Да глаза б мои её не видели, тьфу! Но выбора нет...

— И мои тоже! Тьфу, ведьма!

— А Мансуру расскажем, что мы были любезны и приняли его выбор. Коротко и без прикрас.

Нармин на миг улыбнулась и тут же погасила радостное выражение.

— Потому что любим его, — подсказала она.

— Да, — кивнула Зейнаб. — И ещё скажем, что купили поднос со сладостями. Пахлава, чак-чак, рахат-лукум, сухо-

фрукты. Ну как велят традиции.

— Пахлава, чак-чак, рахат-лукум, сухофрукты, — повторила Нармин как молитву. — А если спросит, как вели себя?

— Уважительно, конечно же. Про наш стёб и подколки — ни слова. И главное: ни одного плохого слова о Розе при нём больше не говорим. Ни-ког-да.

Они снова пошли быстрее. Где-то рядом донёлся звук выбиваемого ковра, и сёстры невольно стали говорить тише.

Мансура дом встретил гастрономическими ароматами, доносившимися из кухни. Он вошёл как обычно, бесшумно. Снял часы, помыл руки в ванной, а после пошёл на кухню. Задержавшись на пороге, окинул родных взглядом. Он ждал ответа, но никто не торопился его давать. Окинул глазами накрытый стол, затем перевёл их на женщин. Возникла лёгкая пауза. Мансур прошёл, сел во главе стола, после чего и мать с тёткой присоединились.

— Добрый вечер, — коротко поприветствовал он родных.

— Добрый, сынок.

— Добрый, мой дорогой племянник.

Зейнаб мягко улыбнулась, в который раз восхищаясь сыном, его мужественным видом.

— Как твои дела? — спросила она ласково.

— Всё в порядке, мам. А ваши как? — он снова окинул карим взглядом женщин.

Вопрос прозвучал нейтрально. Сам момент подсказал, что пора перейти к главному.

— Мы были у Хамаевых, — сказала Зейнаб без лишней паузы, убрав глиняную крышку с главного блюда, и положила пару половников пищи* в тарелку Мансура.

— И? — в нетерпении он пристукнул столовым прибором.

— Всё прошло достойно, сынок, — аккуратно ставя ему полную тарелку с пищи, спокойно произнесла мать.

Мансур едва кивнул. Вилка задела край тарелки — тонкий звон рассёк тишину.

— Как всё прошло? — набрал ложку из блюда и с удовольствием отправил горячий бульон в рот.

— Просто отлично, — подхватила Нармин, двигая к нему хлеб и острый маринованный перец. — Мы закупили полный поднос со сладостями... ради такого события не пожалели денег! — ещё больше приукрасила Нармин, чем-то, о чём они договаривались с сестрой по пути к дому. Она украдкой посмотрела на сестру, будто ждала похвалы. Та одобрительно кивнула и переняла эстафету «лжи».

— Сын, что правда, то правда, не поскупилась я, скупила все сладости: там тебе и пахлава, и чак-чак, и рахат-лукум, и сухофрукты, — без запинки добавила Зейнаб. — Всё на высшем уровне сделали.

Он ел и слушал молча и глядя пытливо на родственниц. У Нармин от его взгляда дрогнули пальцы на ложке, она опустила руки на колени и продолжила:

— Хомаевы такому родству обрадовались, что не сказать

о первой нашей встрече. Ну что сказать... главное, что они изменили своё мнение и приняли сторону жениха по достоинству, — добавила она тише. — Сынок, это всё ради тебя, я... мы с сестрой принимаем твой выбор. Раз выбрал, то тебе с ней и жить, — нагло врала Зейнаб, глядя душевно в глаза сыну.

— Да, дорогой племянник. Мы ведь любим тебя безгранично и готовы на любое твоё желание, — театрально подлила сиропа Нармин.

— Хорошо. Я рад, что вы это поняли, и я вас люблю, ценю и уважаю, — сказал Мансур, зная, что родным его слова очень важны.

— Ах, мой дорогой! — прослезилась Зейнаб, проникшись редким признанием сына.

— Мам, как Роза приняла кольцо? — ровно спросил Мансур, он умел сдерживать эмоции, и всё же ему важно было это знать.

— Чуть свысока, но приняла, — Зейнаб всё же кольнула сына. — Видно было, что не по вкусу ты ей, Мансур-джан. — От сказанного его ложка застыла в воздухе, а взгляд на матери, но через секунду он продолжил свой ужин.

— Хорошо...

Чайник тихо фыркнул, говоря о том, что он вскипел, Нармин пошла готовить всем чай.

Он молча разломил хлеб, продолжая ужин, о чём-то своём думая...

— Хорошо, — сказал он тише обычного. — Готовьтесь к никаху. — Мансур вдруг резко встал из-за стола. — Благодарю за ужин.

— Как, уже? Готовиться к никаху? — неожиданно для себя, не успев прикусить язык, вслух спросила Зейнаб.

— Да. Не будем тянуть.

— А как же чай, Мансур-джан? — Нармин застыла с подносом в руках.

— Нет... чай не буду, — задумчиво произнёс он, остановившись у дверей, и добавил: — И не забудьте пригласить бабушку.

Две сестры, переглянувшись, вытаращили друг на друга глаза.

— Севду, что ли?! — спросила каркающим голосом Зейнаб.

— У меня нет других бабушек, мама, — ответил Мансур и покинул кухню.

— Аллах... — произнесла Нармин, — эта невыносимая старуха крови нам попьёт.

— Это точно, — недовольно поджала рот Зейнаб. — И не сдохнет же, старая гримза!

Глава 8.

За несколько часов до никаха² и свадьбы.

Зейнал с сестрой украшали комнату для молодых.

— Берись за противоположный конец простыни, чтобы ровно было, — сказала сестре Зейнаб.

— Взяла... давай на меня... ага, вот так. Как подумаю, что для этой стервы стелим белоснежные простыни, аж тошно становится, — возмущалась Нармин.

— И не говори! Будто завтра на этих простынях след от её целомудренности увидим. Тьфу!

— Ага, — разглаживая ладонями складки на простыне, соглашалась с сестрой Нармин.

— И что ему приспичило на этой потасканной девке жениться! — яростно разглаживая со своей стороны простыню, ворчала Зейнаб.

— Твоя правда, сестра, — поддакивала Нармин.

— Давай теперь одеяло застелем.

— Держу-держу, — засуетилась сестра Зейнаб.

— Ещё и в самой лучшей комнате жить будет. Одним только успокаиваюсь, что всё это, — она обвела комнату, которую они украшали, — ради моего мальчика.

— Да-да, да пошлёт Аллах долгих и счастливых лет ему.

² Никах — это мусульманский религиозный обряд бракосочетания, который имеет силу согласно исламским канонам.

— Ох, сестра-а... чувствую, наедемся ещё горького перца с этой ведьмой, — сказала Зейнаб, сжав губы в тонкую линию, и горестно покачала головой.

— Да убережёт нас от неё Аллах, — произнесла Нармин.

— Счастье ещё, что этой карге нездоровиться, и она не сможет присутствовать на никахе и самой свадьбе.

— Место её в джехеннемеме³.

— Да услышит твои мольбы сам Аллах, сестра, — с благодарностью ответила Зейнаб.

— Надеюсь на это, а иначе рано или поздно придет нам жизнь отравлять...

— Это точно! Ну всё, — Зейнаб огляделась, — здесь закончили, идём. Хорошо, что приехали наши двоюродные-троюродные родственники и помогли с основными блюдами для свадьбы.

— Да, идём, сестра, посмотрим, закончили ли с приготовлением всевозможных пирожных. — И женщины покинули комнату, спустившись вниз на кухню...

К вечеру во дворе Мамедовых собралось множество родственников как со стороны жениха, так и со стороны невесты. А за воротами шептались: кто-то плевался, кто-то проклинал свадьбу и сам никах, кто-то сочувствовали Мансуру.

Невеста с родителями и близкими родственниками приехала в шикарном автомобиле, который за ними отправил Мансур.

³ Джехеннеме — в аду

Всё собрались и ждали имама. Он появился к назначенному времени.

Имам — невысокий, сухой, в чистой чалме. За ним шли двое свидетелей со стороны Мансура, а следом и сам Мансур в белой рубашке и чёрном свадебном костюме. Со стороны невесты такое же количество свидетелей.

Мансур поздоровался с Али крепким рукопожатием, а Хадисе уважительно кивнул. Роза вышла последней — в светлом платье, волосы убраны, фата словно лёгкое облако, накинутое на голову. Глаза опущены.

— Асалам Алейкум⁴, — произнёс имам и жестом указал на стулья. — Сядем.

Сели в два ряда: мужчины — лицом к имаму, женщины — чуть в стороне, но так, чтобы всё видеть и слышать. Роза села рядом с матерью, Зейнаб с сестрой. Остальные создали полукруг и слушали, как проводит имам никах. Щёлкнули чётками, и все разом смолкли.

Имам прочитал короткую хутбу⁵ — негромко, выверено. Затем посмотрел на Али:

— Али-ага, отдаёте ли вы свою дочь Розу в жёны Мансуру Мамедову за махр⁶ — триста тысяч и золотой браслет, немедленно, без отсрочки?

⁴ Асалам Алейкум — мир вам.

⁵ Хутба — это религиозная проповедь имама, произносимая во время свадебной церемонии (никах).

⁶ Махр — имущество, которое муж выделяет жене при заключении брака.

Зейнаб так и ахнула от озвученной суммы, и всё это при всех и вслух. Гости разом посмотрели на неё, от стыда она густо покраснела и стала обмахиваться платком.

Церемония продолжилась.

Али перевёл взгляд на Розу. Она подняла глаза. Он кивнул.

— Отдаю, — сказал он.

Имам повернулся к Розе:

— Роза, согласны ли вы выйти замуж за Мансура Мамедова за этот махр?

Возникла секундная пауза, и в этой тишине были слышны вздохи собравшихся.

— Согласна, — тихо произнесла девушка.

Имам перевёл взгляд на Мансура:

— Мансур, принимаете ли вы Розу в жёны за оговоренный махр?

— Принимаю, — сказал чётко и без паузы.

Свидетели почти синхронно наклонились к имаму:

— Подтверждаем.

Дыхание двора стало слышнее. Имам поднял ладони. Мужчины провели ладонями по лицу. Чётки имама щёлкнули дважды. Всё, брак заключён.

Имам кивнул:

— Да будет между вами добро. Пусть Аллах укрепит ваш дом.

Напряжение чуть спало. Но не ушло.

Мансур перевёл на долю секунды взгляд на Розу, затем достал ювелирную коробочку. Не демонстрируя браслет, он просто передал его Хадисе.

— Это браслет, — уточнил он. — Махр.

Хадиса открыла, и бриллиантовый блеск лёг на её ладони. Она не улыбнулась... не сейчас. Кивнула и передала дочери. Роза приняла, но не надела, а аккуратно положила рядом, на белую ажурную салфетку.

— Поздравляю, — негромко сказал имам и поднялся. Ему ответили теми же словами. Как и положено, он ушёл, а свидетелей и всех собравшихся родственников пригласили к столу. Началась свадьба...

Асалам Алейкум — мир вам.

Глава 9.

Роза стояла посреди комнаты, облаченная в свадебное белоснежное платье. Мягкий свет, исходящий от торшеров на прикроватных тумбочках, играл на тонкой шелковой вышивке, создавая волшебные блики. Волнение охватило её: через минуту-другую он появится — тот, кого она никогда не хотела видеть своим мужем.

«Он не простит меня за то, как я с ним поступила...» — с трепетом думала Роза, готовясь к встрече с ним, теперь уже с законным супругом. Внезапно в памяти всплыли напутственные слова её матери, произнесенные накануне никаха: «Слушайся своего мужа! Забудь о глупостях типа "люблю-не люблю". Через постель ты многого добьешься. Ты ведь уже была замужем и знаешь, что мужчины при виде обнаженного женского тела становятся истинными дикарями. Позволяй своему мужу вытворять всё, что только он захочет, а сама забудь о страхах. Тогда будешь ходить в шелках, и он тебя осыплет бриллиантами. Мамедовы — богатая семья...»

Роза сделала шаг к зеркалу, но тут же остановилась, не желая видеть своё отражение. Её лицо было бледным, а глаза — расширенными от страха, смешанного с неуверенным ожиданием. Вместо этого она опустилась на край бархатной кровати и прижала ладонь к животу, где всё сжалось в тугую комок тревоги.

Она встала, как только дверь спальни открылась и из-за неё донёлся звук веселья с продолжающейся свадьбы, а затем сразу же исчез. Мансур вошёл в комнату, кратко задержав на ней взгляд, после чего снял пиджак. Проходя к креслу в центре просторной спальни, он накинул его на спинку. Его движения были неторопливыми и уверенными. Сняв галстук и расстегнув верхние две пуговицы на рубашке, он, небрежно вложив руки в карманы, приблизился к Розе. Она же стояла, опустив глаза в пол, как будто ожидая своего решения.

— Ну здравствуй, Роза, — произнёс он, пауза перед словами была ощутимой.

— Здравствуй... Мансур, — произнесла она слегка взволнованно.

— Я хочу видеть твои глаза, — коротко сказал он, и Роза подняла взгляд к нему.

— С нашей последней встречи ты стала ещё прекраснее, — добавил Мансур, глядя на неё. Роза молчала, просто смотрела на него, пытаюсь понять, чего ей ждать.

Мансур потянулся к её лицу. В этот момент Роза еле заметно вздрогнула и закрыла глаза, как будто ожидая удара. Мансур почувствовал её напряжение, и его рука остановилась в сантиметре от её кожи. Всё же он нежно коснулся её щеки, провёл по ней тыльной стороной пальцев, словно проверяя на гладкость.

Роза приоткрыла глаза, осознав, что он не собирается причинить ей вред. Муж, убрав руку от её лица, потянулся за

ажурной фатой, которая больше походила на лёгкий платок, свободной волной ниспадая с плеч. Она скользнула с её головы на пол.

— Расплети волосы, — произнес Мансур, и его кадык дёрнулся от волнения. — Хочу видеть, насколько они прекрасны.

Она покорно расплела свою косу. Мансур пропустил пряди между пальцами.

— На ощупь словно шёлк, — озвучил он свои мысли.

Девушка продолжала молчать, и чем дольше они оставались в этой напряжённой близости, тем сильнее в ней нарастало внутреннее волнение.

Вдруг Мансур резко отстранился, развернулся и направился к ванной. Открыв дверь, он неожиданно остановился, кинув взгляд через плечо, и велел:

— К тому времени, как я вернусь, ты должна быть раздета и ждать меня полностью обнажённой.

За Мансуром закрылась дверь, и Роза замерла, сверля взглядом то место, где только что он стоял. Девушка прикусила губу, чтобы не расплакаться: щёки горели словно после пощёчины.

Розу охватило беспокойство — её чемодан уже должен был быть здесь. Вскоре она нашла его в гардеробе.

В это время Мансур вышел из ванной с влажными, зачесанными назад волосами и в полотенце, обернутом вокруг бёдер. Роза, облачённая в длинный шёлковый халат, нервно

поджимала пальцы на ногах.

— Сбрось это с себя, — произнёс он, медленно приближаясь к ней.

Не раздумывая, она резким движением, не открывая глаз, скинула халат, и он упал к её ногам.

Мансур остановился, застыв в восхищении. Его взгляд медленно поднимался с поджатых пальчиков ног к коленям, по ногам к округлым бёдрам, к гладкому треугольнику, плоскому животу и тонкой талии. Затем он направил взгляд вверх, задержавшись на высокой груди и небольших сосках, дальше скользнул к ключицам и плечам.

— Повернись, — сдавленно произнёс он.

Роза не возражала и просто выполнила требование своего законного супруга. Их расписал вызванный сотрудник ЗАГСа прямо на свадьбе, и теперь она официально стала Мамедовой.

Её стан и формы были безупречны — Мансур не мог оторвать глаз от плавных изгибов фигуры.

— Тебя словно сам Аллах рисовал. Ты до умопомрачения красива, — произнёс он, и этот комплимент, возможно, привёл бы в восторг любую другую девушку, но не Розу. Ей были безразличны похвалы и красивые слова, по крайней мере, пока что.

— Развернись, — сказал он, и она не спеша вновь повернулась к нему лицом.

— Не хочешь ничего мне сказать или спросить? Ты всё

время молчишь, — подойдя ближе, он убрал с её лица прядь волос.

— Нет. Мне нечего у тебя спрашивать, — ответила Роза, и, хотя она не имела злого умысла, её слова прозвучали жёстко.

— Нечего? Хм... — он недобро усмехнулся. — Значит, ты по-прежнему считаешь меня недостойным себя? — Вспыльчивый характер Мансура воспринял её такой ответ как пренебрежение.

— Я... нет... — она попыталась оправдаться, но он дёрнул её за руку, прижимая к стене, вдавливая своим телом.

— А кто достоин? Те двое неудачников, что сейчас гниют в земле? — произнёс он сквозь зубы рядом с её ухом.

— Не смей так о них говорить! Они... — слёзы уже катились по её щекам. — Они были хорошими, добрыми людьми и не заслуживают такого отношения!

— Не заслуживают? Конечно, это я — «потный спортсмен, от которого будет вонять всё время!» Я это запомнил! — произнёс он, накрывая её распластанную на стене ладонь своей.

— Прости... прости за это! — всхлипывала Роза.

— Простить? За что? За то, что в первый же день ты пренебрегаешь своим мужем? Или за то, что смеешь нахваливать своих бывших при живом муже?!

— Я не хотела... — пробормотала она сквозь слёзы.

— Не хотела, значит... А ты знала, что твой хороший и

добрый жених трахнул дочь влиятельного человека, обещая на ней жениться? Когда тот узнал об этом, то просто пришёл в бешенство. Ну что дальше было, ты знаешь.

— Это не правда... не правда! — Роза ошарашенно уставилась в стену.

— Трудно поверить, что твой «вкусно пахнувший» жених — такая гниль. А твой покойный муж...

— Хватит! Не надо... не порочь хотя бы его имя.

— Что ж, ты права, у нас всё-таки сегодня брачная ночь. Ноги раздвинь! — прорычал он, и вены на его сильном предплечье вздулись от напряжения. Рывком сорвав с себя полотенце, он швырнул его на пол. — Наверняка скучала по мужской ласке, а?

— Мансур... я прошу, давай не сегодня... Ты сейчас на взводе... Я... знаю, что была не права. Давай просто ляжем спать, а завтра поговорим, — сквозь слёзы и всхлипы попыталась уговорить его. Но Мансур уже не слышал её: его разум был сконцентрирован только на желании, пальцы уже раздвигали её чисто выбритые складки.

— Сухая... — констатировал он, после того как потрогал её. — Не возбуждаю тебя, да? — Он облизал пальцы и просунул их во влагище жены.

— Ай! — пискнула она от неприятного вторжения в её тело. В следующую секунду его пальцы сменил твердый член, который плавно, шаг за шагом, начал раздвигать её тугие стенки. Внутри Мансура бушевали эмоции, и, хотя предо-

хранители перегорели, он старался не причинить ей боли.

— Тихо! Прогнись... ну давай, тебя же твой бывший часто трахал, скажи... — Мансур вошёл весь и стал двигать бёдрами, небыстро, но жёстко, обхватив рукой за живот и плотнее притягивая к себе, чтобы больше чувствовать. Он не заботился о её удовольствии — слишком был на взводе. А всё эта чёртова ревность. Но Роза чувствовала против воли: она чувствовала при каждом толчке, как он задевал все чувствительные точки в её теле, и невольно прогнулась глубже, закрыла глаза, позволяя Мансуру вбиваться всё охотнее. А всё потому, что они подходили друг другу. И Мансур почувствовал, как напряжение в её теле чуть спало, а дыхание потяжелело. И он зарычал сильнее, вбиваясь в неё снова и снова.

— Роза-а... моя... моя... — хрипел он ей возле уха.

Это было похоже на животный, голодный секс, который захватил его целиком, заставляя забыть о времени и пространстве.

Тем временем за дверью, оставив гостей, стояла Зейнаб и ожидала сестру.

— Вот это подойдет? — поднявшись по лестнице, спросила запыхавшаяся сестра с кружкой в руке.

— Тихо ты! — шикнула Зейнаб. — Да, подойдёт, давай сюда, — и, схватив кружку, прижалась к стене, пытаясь подслушать.

— Ну что там? — в нетерпении спросила Нармин.

— Да тихо ты, ничего не слышно... шум какой-то неразборчивый. Вот ведь ведьма, наверное, уже нашёптывает что-то моему мальчику на ухо...

Глава 10.

Зейнаб продолжала прижиматься ухом к холодной поверхности стены, крепко сжимая ободок кружки.

— Вот ведьма, — шипела Зейнаб. — Настраивает уже Мансура против нас... Против семьи! Ну ничего... ничего, узнает ещё, кто такая Зейнаб, — бормотала свекровь.

За стеной спальни молодых слышались приглушённые звуки — неразборчивый шорох, тяжёлое дыхание, то ли скрип кровати, то ли это было просто её воображение. Зейнаб замерла, затаив дыхание, но ничего толком не разобрала. Только обрывки: низкий голос Мансура, рычащий что-то хриплое, и, как рисовало её воображение, она слышала этот проклятый женский шёпот — тонкий, вкрадчивый, как яд, капля за каплей наполняющий душу сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.